

торке перепечатанные и переплетенные ею тома — собрание сочинений М. А. Булгакова. А уже позднее, когда я получил вотум доверия, была открыта плетеная корзина, в ней лежали рукописи, лежал роман «Мастер и Маргарита»...

— Скажите, в доме Елены Сергеевны бывало много друзей? Были исследователи Булгакова?

— Жила Елена Сергеевна достаточно уединенно. Пройдут годы, прежде чем литературоведы зачастят в ее квартиру. А тогда у нее бывала ее самая близкая подруга — Эся Львовна, вдова знаменитого русского журналиста Леонидова, автора сценариев фильмов «Остров сокровищ» и «Дети капитана Гранта». Бывали братья Борис и Николай Эрдманы — театральный художник и знаменитый драматург. Да еще старые мхатовцы В. Я. Виленкин и Ф. Н. Михальский.

Вспоминаю один эпизод. В 1957 году умер старший сын Елены Сергеевны — Женя Шиловский. Это случилось в Ленинграде. Елена Сергеевна бросилась туда. А мы должны были организовать все в Москве. В доме не было денег. И никому не было дела ни до Елены Сергеевны, ни до ее горя. Эся Львовна взяла все в свои руки. «Надо продать люстру», — решила она, имея в виду чудную булгаковскую люстру из синего павловского стекла. Стала обзванивать писателей. Желаящих почему-то не находилось. Наконец пришел один, очень известный и с очень хорошей (по сию пору) репутацией. Пришел с дочерью. Нас с женой Эся Львовна отправила на кухню. Оттуда мы слышим жалкий голос Эси Львовны: «У Булгаковой умер сын. Денег нет. Продается булгаковская люстра. Стоит пять тысяч». Голос писателя: «Не знаю, что и сказать». А дочь говорит: «Зачем тратить пять тысяч? Я вот в Столешниковом видела за четыре...» Эся Львовна снова: «У Булгаковой умер сын. Денег нет. Продается булгаковская люстра...» Писатель нерешительно: «Как дочь скажет...» Дочь: «Пап, ну пойдем...» Эся Львовна: «У Булгаковой умер сын. Денег нет...» Дверь хлопнула — всё, ушли. Эся Львовна входит на кухню: «Ну ладно, писатели помочь не хотят. Остается последнее средство — генерал». Звонит генералу. Через полчаса прибыл порученец, отсоединил люстру, заизолировал провод и оставил деньги — больше, чем Эся Львовна просила.

Когда затевался альманах «Театральная Москва», А. Штейн и А. Салынский, состоявшие в редколлегии, пытались напечатать там пьесу «Бег», но «Театральную Москву» разогнали, и из этой затеи ничего не вышло. Вдруг Елена Сергеевна получила письмо из Сталинграда, от режиссера Николая Покровского — он сообщил, что хочет поставить «Бег». Вот об этой постановке и была моя статья.

Впрочем, к тому времени в «Литературной газете» уже лежал мой большой материал о Булгакове. Тогда редактором раздела литературы и искусства был Ю. Бондарев. Он очень хорошо отнесся к статье, зато заведующий отделом искусства — Е. Сурков — был категорически против (спустя десять лет он, будучи главным редактором Госкино, «теоретически» обосновал «идейные ошибки» в «Комиссаре»).

Тогда Елена Сергеевна передала статью Борису Лавреневу, который был членом редколлегии «Литгазеты», и попросила показать ее главному редактору. Через какое-то время Лавренев позвонил и пригласил нас к себе. «Интересно и очень правдиво», — сказал он. — Но...» И мы с Еленой Сергеевной затаили дыхание. «Но ни мое личное вмешательство, ни заступничество главного редактора дела не изменят. Булгаков — фигура запрещенная».

Лавренев, однако, рукопись мне не вернул, а, в свою очередь, передал ее Всеволоду Иванову. Тому она тоже понравилась, и он отдал ее своему соседу по дому — К. А. Федину, тогдашнему главе Союза писателей. Прошло довольно много времени, и вдруг Федин прислал мне письмо: «Статья мне ваша нравится, и она достойна, конечно, опубликования. Только... ближайшее время опять не благоприятствует напечатанию каких-либо статей о «недооцененности» произведений М. Булгакова».

Тогда я пошел к К. М. Симонову. Мы были немножко знакомы. В свое время на филфаке должна была проходить дискуссия по роману Симонова «Товарищ по оружию». Мне предстояло быть одним из докладчиков. Дискуссия была назначена на 5 марта 1953 года. А вы знаете, что произошло в этот день... Я все же в назначенный час пришел к клубу на улице Герцена и, разумеется, обнаружил объявление об отмене дискуссии. Возле объявления стоял человек в кепке с узнаваемой внешностью. Это был Симонов. Мы познакомились. Он был совершенно потрясен смертью Сталина, мы долго шли по московским улицам, по его щекам текли сле-

зы, о чем-то разговаривали, но больше все же молчали...

И вот мы сидим с ним в огромном кабинете отсутствующего Федина. Принесли чай в двух хрустальных стаканах. И оя, не слушал меня, не желая вникнуть в мои доводы, стал долго, утомительно долго и очень подробно объяснять мне, что сейчас не время поднимать вопрос о напечатании Булгакова. А это уже было спустя год после XX съезда.

Наконец, в Сталинграде должна была состояться премьера никогда не напечатанной пьесы Булгакова. Я иду в журнал «Театр» (очень прогрессивный журнал середины пятидесятих годов) к Аркадию Николаевичу Анастасьеву. Главным редактором был тогда у них Николай Погодин, выполнявший роль хорошего прикрытия, политику же журнала, его направление определял Анастасьев, его первый зам, светлый и отважный редактор. Я рассказывал ему о готовящемся в Сталинграде событии. Он выписал мне туда командировку от журнала. Через какое-то время туда же прилетела Елена Сергеевна. И в марте 1957 года произошло невероятное событие: «Бег» был поставлен!

Я написал о спектакле статью под названием «Восемь снов». После этого мне в коммунальную квартиру на Остоженке позвонил из Ленинграда Николай Черкасов: «Дорогой, мы тоже хотим разоблачить беляков и порушить эту белую гвардию. Вы приедете к нам помочь делать спектакль?» Я стал литературным консультантом спектакля. Режиссер Л. Вивьен. Актерское созвездие невероятное: Толубеев, Черкасов, Алешина, Фрейндлих!

Спектакль долго не хотели разрешать. Наконец для решения вопроса о выпуске спектакля в Ленинград приехали два человека: Д. А. Поликарпов, тогдашний заведующий отделом культуры ЦК, и З. П. Туманова, ответственный работник Бюро ЦК по РСФСР. Спектакль они поначалу запретили категорически. Потом было изнурительное совещание за закрытыми дверями в кабинете директора театра. Черкасов выдвинул меня на авансцену спора, и я, не ведающий страха, неопытный и необстрелянный, обрушил на московских визитеров все свое красноречие. Поликарпов иронически улыбался, а Туманова, не выбирая выражений, кричала: «Мы не позволим издеваться над советским зрителем!» И вдруг совершенно неожиданно уставший Поликарпов сказал: «Ну давайте рискнем. Пусть театр пригласит на просмотр рабочий класс, посмотрим, как он оценит».

Помню, после обсуждения мы вышли из театра на ночную улицу. Поликарпов, прощаясь, пожал всем, и в том числе мне, руку. Я протянул руку и Тумановой, но она спрятала свою за спину.

— А как все-таки вы пришли в кино? Ведь перед вами открывалась иная стезя.

— В 1958 году мне повезло — я попал в режиссерский семинар Г. Товстогова. Я бывал на репетициях, видел лучшие товстоговские спектакли. Так что своим учителем в режиссуре я считаю Георгия Александровича. Кстати, он был одним из немногих, кто посмотрел фильм, как только он был закончен, и написал письмо М. А. Суслову в защиту «Комиссара», но все было тщетно.

— Я могу понять, почему «Комиссар» был запрещен. Но мне совершенно непонятно, как вам разрешили его снимать. Как могли утвердить сценарий, в котором революционные идеалы подвергаются испытанию на прочность, а все существовавшие тогда исторические штампы ломаются, принципиально отвергаются?

— Когда сценарий был написан и нужно было его утверждать, я понял, что без помощи С. А. Герасимова это не получится. Я приехал в Миасс, где он тогда снимал фильм «Журналист», и дал ему сценарий. Прочитав, Герасимов сказал: «Голосы не несут. Но снимать стоит». Свои съемки он в тот день отменил, расчувствовавшись. Захватив меня и кого-то из группы, отправился на рынок, купил там мясо для пельменей и закатил ужин с участием городских властей. Любопытно, что, когда мы выходили с этого бедного уральского рынка, у ворот мы увидели слепца, перед которым на ящике сидела белая мышка, вытягивавшая «счастье». Герасимов заставил меня попытаться счастье, вытянуть билетик. Знаете, что было в нем написано? Лыловыми корявыми буквами было выведено: «Задумал большое дело. Кончится большим несчастьем. Не отчаивайся — выручат хорошие люди».

— И вы стали снимать «Комиссара»?

— Да.

— Кончилось дело большим несчастьем?

— Но хорошие люди меня все-таки выручили.

Интервью взял

Андрей МАЛЬГИН.

Фото М. Лемхина (США).